

О МЕТОДАХ ЛЕЧЕНИЯ В «КАЗАКАХ» ЛЬВА ТОЛСТОГО: МЕЖДУ МАГНЕТИЗМОМ И МИСТЕРИЕЙ

Михаил Николаевич Волвенкин

преподаватель Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г.Ф. Морозова (Воронеж, Россия), аспирант и преподаватель Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

e-mail: mvolvenkin@mail.ru

ORCID: 0009-0007-0793-0787

Аннотация. В статье рассматривается повесть «Казачья» Льва Толстого как патографический текст русской литературы. При этом основное внимание в исследовании уделяется тем частям произведения, в которых патография практически отсутствует, но предполагается. Писатель в них намеренно умалчивает, как проводится лечение увечных тел, что выглядит весьма странно на фоне детального описания мертвых и раненых. Выясняются причины такого отсутствия, заключающиеся в критике «методологии самонаблюдения», свойственной ранним дневникам Толстого, в противоречии между стремлением осмыслить жизнь и осознанием невозможности рационально постигнуть ее тайну. В статье подробно рассматривается влияние идей животного магнетизма на поэтику повести «Казачья». Отмечается тесная связь этих идей с представлениями Толстого о методах лечения горцев-лекарей. Прослеживается динамика толстовского восприятия теории Франца-Антонина Месмера: от увлечения и желания проверить ее на практике, до явного скептицизма по отношению к ней как «доказательному» знанию. Выявляется логика методов лечения, к которым прибегают герои в повести «Казачья». С одной стороны, подчеркивается связь этих методов с животным магнетизмом, проявляющаяся в «лечении травами». А с другой – с дионисийским культом, в частности с практикой омофагии, аналогию с которой мы наблюдаем в сценах, где дядя Ерощка и Лукашка прибегают к лечению посредством алкоголя, возмещающего жизненные силы. В заключении отмечается мистериозное начало в «Казачьях», в котором раскрывается стремление писателя сохранить священную тайну вокруг границы между жизнью и смертью.

Ключевые слова: литература и медицина, патография, Лев Толстой, магнетизм, мистерия

В своем исследовании мы рассматриваем повесть «Казачи» (1863) Л.Н. Толстого как патографический текст русской литературы. При этом нужно заметить, что термин «патография» понимается вслед за К.А. Богдановым расширительно, как «релевантный обозначению любых дискурсивных репрезентаций болезни и смерти» [Богданов: 9].

Этих репрезентаций в повести откровенно мало: во-первых, смерть джигита, за которой следует сцена с передачей чеченцам его тела; во-вторых, ранение Лукашки и его лечение, переданное в тексте буквально в двух словах; и, в-третьих, рассказ дяди Ерошки о пулке, застрявшей у него в плече, и о предсмертной горячке. Все это – небольшие отрывки текста, важные, скорее, не сами по себе, но позволяющие раскрыть логику «кавказской» жизни. Кроме того, некоторые элементы патографии, например касающиеся лечения, текст намеренно замалчивает. Можно сказать, что толстовская патография в «Казачах» во многом реализуется апофатически.

В дневнике Толстого за 1852–1853 гг. среди многочисленных кавказских впечатлений можно найти несколько отрывков, в которых отмечается специфика лечения на Кавказе. Особенно примечательна следующая запись (27 апреля 1852 г.):

«Утромъ были у меня Нагай – лекарь и Япишка. Ежели кто-нибудь дурно отблагодарить за труды Н[агай] л[екаря], то къ нему прикинется болѣзнь, которую онъ вылечилъ. – Шайтанъ. Лечение сведенныхъ членовъ растираньемъ. Наг[ай] подтверждаетъ мнѣніе, что большая часть странныхъ болѣзней и леченій простого народа объясняется магнетизмомъ» [Толстой 1937б: 114]¹.

Судя по всему, для Толстого в рассказе Нагай оказывается интересным факт «заражения» посредством мысли и слова, воспринятый не в ироническом ключе.

Обратим внимание, что больной не просто сам направляет болезнь на кого-либо: «заражение» происходит из-за его недолжного, неэтичного поведения. Больной и лекарь находятся в какой-то особой связи, выходящей далеко за рамки контакта руки и тела, а потому их влияние друг на друга сложно рационально объяснить.

Как мы полагаем, именно рационально необъяснимое привлекает Толстого. Неслучайно он не останавливается на простой фиксации услышанного, а сводит лекарскую деятельность к явлениям животного магнетизма. Кроме того, показательна и сама формулировка: «большая часть странных болезней и лечений». Значит, в поле функционирования животного магнетизма в толстовском

---

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация указанных изданий сохранены.

понимании находятся лишь неординарные явления, выходящие за рамки медицинских теорий, которыми писатель, отметим, интересовался на протяжении всей жизни¹.

Теория магнетизма стремилась получить признание в научной среде. Так, во всяком случае, было при ее зарождении. Исследовательский путь создателя этой теории, Франца-Антоня Месмера, начался с успешной защиты диссертации «О влиянии планет» (“De Planetarum Influxu”, 1766). Она, конечно, еще не объясняет существования животного магнетизма, однако ряд ее положений не будет позже забыт или отвергнут исследователем. В своих знаменитых 27 тезисах, намечающих новую теорию, он не стремится освободиться от влияния прежней медицины, а, скорее, надеется расширить ее инструментарий:

«24) Эта теория дает врачу неоценимую поддержку в применении лекарств, действие которых усиливается, что приводит к благотворным кризам, которыми возможно управлять и контролировать» [Месмер: 65].

Кроме того, Месмер ищет одобрения своей медицинской практики в различных официальных медицинских организациях, например в Парижском медицинском обществе.

Заметим, что в теории магнетизма есть любопытное положение о знании, которое было известно древним магнетизерам, а в медицине XVIII–XIX вв. оказалось утрачено. Так, в книге князя А.В. Долгорукова «Месмер и его начальная теория» (1846) читаем:

«Существование животного месмеризма или магнетизма мы видимъ еще въ самой глубокой древности, въ одно время какъ на востокъ, такъ и на югъ. Разсматривая окомъ вниманія и истины, дѣйствія бывшихъ Жрецовъ Египетскихъ, а еще древнѣе въ Эссалии, замѣчаемъ его у нихъ и даже между народомъ» [Долгоруков 1846: 7].

Но утраченное официальной медициной находит продолжение в «народных» способах лечения. Тот же князь Долгоруков рассказывает в книге «Органон животного месмеризма» (1860) о практике заговоров некоего «мужичка из казаков», указывая на

---

¹ Вопросы медицины затрагиваются Толстым во многих художественных и публицистических произведениях, среди которых «Смерть Ивана Ильича» (1886), «Крейцера соната» (1891), «Так что же нам делать» (1886). Пожалуй, это не столь свойственно раннему творчеству писателя, что, впрочем, говорит не об отсутствии интереса, а об отсутствии более-менее определенного отношения к медицинской науке: в списке задач, которые ставит себе молодой Толстой в 1847 г., вторым пунктом идет изучение практической медицины и части теоретической [Там же: 31].

сродство увиденного с явлениями животного магнетизма:

«Живя разъ въ одной изъ южныхъ губерній нашихъ, узналъ я, что одинъ мужичекъ изъ казакѣвъ заговариваетъ отъ укушенія змѣй, точно удостовѣрясь въ его дѣйствіяхъ надъ коровами, пришедшими съ поля съ распухшими вымями отъ укушенія; еще болѣе надъ дѣвкою одного помѣщика Ольховскаго» [Долгоруков 1860: 85–86].

Думается, что Толстой не сразу отверг магнетизм именно из-за претензии последнего на статус утраченного «научного» знания. Спиритизм, напомним, вызывает у него резкое и однозначное отрицание. Впрочем, это «научное» знание тоже необходимо проверить. Толстой пишет: «Наг[ай] подтверждаетъ мнѣніе <...>» [Толстой 1937б: 114]. Из этого следует, что услышанное, а позже записанное в дневнике является лишь одним из еще не разделяемых и сомнительных свидетельств. Пишущий проявляет интерес, но держит дистанцию.

К середине XIX в. представления о магнетизме в сочинениях последователей Месмера не обрели какой-либо однородности: одни стремились к научному объяснению, к доказательности, а другие всякий раз подчеркивали, что постижение сущности этого явления осуществляется опытным путем вне всякого теоретизирования. Неудивительно, что толстовское понимание этого явления,

судя по дневниковым записям, оказывается крайне неопределенным.

10 октября 1852 г. писатель записывает в дневнике: «Надо испытать магнит[ный] пастъ, о к[оторомъ] я прочелъ въ С[овременникѣ?]. Я долженъ имѣть силу» [Там же: 145]. Скорее всего, Толстой ознакомился с переводной статьёй «Животный магнетизм и физиологические исследования его явлений» (1852), опубликованной в июльском номере «Отечественных записок», о чем высказывается предположение в комментариях к юбилейному собранию сочинений, так как в «Современнике» в 1852 г. и в ближайшие годы никаких статей о магнетизме нет. Если это действительно так, то можно предположить, что писатель хотел испытать «одилическую силу», о которой говорится в этой статье.

Термин «одилическая сила», введенный немецким исследователем Карлом фон Райхенбахом, обозначает жидкость, «разлитую по нервной системе» и являющуюся посредником между умом и телом. И, конечно, эту жидкость можно искусственно перенаправлять от головного мозга к брюшному:

«Если эта жидкость подвергается влиянию Другой, сильнейшей, от постороннего лица, или влиянию твердой воли, происходит изменение в распределении этой жидкости по телу: деятельность мозговой и нервической систем останавливаются или вступают в ненормальные отношения с умственными силами» [Отечественные записки: 97–98].

Такое заглушение разума путем использования внутренней силы способствует пробуждению инстинкта – и человек уже сам может помочь себе, подобно тому как это делают животные, находя себе нужное «лекарство» в окружающем их мире.

Результатов этого «испытания», если оно действительно было, Толстой не оставил. Однако в 1853 г. в отрывке дневникового характера – «Мысли» – находим такое высказывание:

«3) Не можетъ быть, чтобы лекаря и колдуны не вѣрили сами въ свою силу. Они безсознательно стараются заглушить здравый смысл надеждой на случай и стараются говорить и дѣйствовать какъ можно необдуманнѣе, надѣясь, что инстинктъ откроетъ и покажетъ имъ истину» [Толстой 1937а: 285].

Думается, что и в данном случае писатель воспринимает лекарей, живущих на Кавказе, и их методы лечения в свете концепции животного магнетизма. Кроме того, по этой записи заметно, как меняется оценка явлений: от желания увидеть их в действии к неодобрению, о чем позволяют судить слова «надеждой на случай», «надеясь», акцентирующие вероятностный характер знания.

Итак, в немногочисленных дневниковых записях кавказского периода Толстой находит в деятельности горцев-лекарей пересечения с концепцией животного магнетизма. Или лучше так: он предполагает эту деятель-

ность одним из проявлений магнетизма. Оснований для такого заключения несколько: во-первых, если можно так выразиться, убежденность в возможности передачи некоторых телесных недугов через мысль и слово; во-вторых, наделение особым статусом лечащего субъекта, имеющего некую силу и уверенного в ней, как необходимое условие для оказания влияния на выздоровление; в-третьих, утверждение значительной роли инстинктов в процессе лечения.

В «Казаках» местные врачи появляются в связи с ранением Лукашки. Сначала сделаем базовое замечание: взгляд повествователя не направлен на процесс лечения. И это странно, ведь, например, в «Набеге» (1853) работа врача с телом пациента показана в деталях. Да и в «Казаках» сами увечные тела описываются подробно (но не врачевание этих тел):

«Коричневое тело в одних потемневших мокрых синих портках, стянутых пояском на впалом животе, было стройно и красиво. Мускулистые руки лежали прямо, вдоль ребер. Синеватая свежесвыбритая круглая голова с запекшеюся раной с боку была откинута. Гладкий загорелый лоб резко отделялся от бритого места. Стеклообразно-открытые глаза с низко остановившимися зрачками смотрели вверх, казалось, мимо всего. На тонких губах, растянутых в краях и выставившихся из-за красных подстриженных усов, казалось, остановилась добродушная, тонкая усмешка. На маленьких кистях

рук, поросших рыжими волосами, пальцы были загнуты внутрь и ногти выкрашены красным» [Толстой 1936: 38].

Можно предположить, что разгадка кроется в изменении толстовского письма. Как отмечает Б. Эйхенбаум в работе «Молодой Толстой» (1922), писательская деятельность Толстого поначалу связана с выработкой «методологии самонаблюдения», заключающейся в формулировании многочисленных правил, применимых ко всем областям жизни, создании целых жизненных программ. Эта крайняя рационализация подвергается критике писателя уже в рассказе «Набег»: казалось бы, уясненная волонтером в начале произведения сущность войны в «координатах» трусости и храбрости, в конце разрушается в переживании смерти Аланина. В критические моменты жизни рациональные объяснения перестают функционировать.

Столкновение Оленина с миром природы и последующая невозможность слияния с ним объясняется тем, что герой не может не рационализировать свою жизнь, он оказывается неспособен отказаться от размышлений в пользу бытия. Ярким примером, подтверждающим это предположение, является письмо Оленина, которое он создает с целью понимания себя через упорядочивание. Ему необходимо разложить впечатления недавнего прошлого на элементы и написать: «Я мучаюсь, но прежде я был мертв, а теперь только

живу» [Там же: 124]. Только после этого возможна «истинная» жизнь.

Таким образом, знание, которым наделен лекарь, не сообразно способу мышления Оленина и повествователя, потому последний ограничивается замечанием: «Оленин уехал домой. Вечером ему сказали, что Лукашка при смерти, но что татарин из-за реки взялся лечить его травами» [Там же: 145]. Однако этот способ лечения должен быть понятен героям, принадлежащим миру природы. Дядя Ерощка, к слову, кое-что сам знает о травах, о чем можно судить из его диалога с Лукашкой:

«– А что, дядя? Сказывали, у тебя разрыв-трава есть, – молвил он, помолчав.

– Разрыва нет, а тебя научу, так и быть: малый хорош, старика не забываешь. Научить, что ль?

– Научи, дядя.

– Черепаху знаешь? Ведь она чорт, черепаха-то.

– Как не знать!

– Найди ты ее гнездо и оплети плетешок кругом, чтоб ей пройти нельзя. Вот она придет, покружит и сейчас назад; найдет разрыв-траву, принесет, плетень разорит. Вот ты и поспевай на другое утро, и смотри: где разломано, тут и разрыв-трава лежит. Бери и неси куда хочешь. Не будет тебе ни замка, ни закладки» [Там же: 63].

Отметим еще одну параллель с магнетизмом: спектр применения трав так же не ограничивается областью терапии. Магнети-

зер с помощью гипноза может получить от пациента самую удивительную (истинную) информацию о прошлом и будущем. И далеко не разум несет это знание, а нечто инстинктивное, сближающее человека с окружающим миром. Кроме того, магнетизеры в своей терапии часто используют различные вспомогательные средства¹.

В «Казаках» умение лечить (и не только лечить, можно сказать, «правильно» пользоваться) травами не в полной мере находится в ведении человека: верный способ воздействия подсказывают животные. Дядя Ерощка не единожды настойчиво утверждает особый, отличный от человеческого характер знания животных, который можно назвать инстинктивным («Ты думал, он дурак, зверь-то? Нет, он умней человека, даром что свинья называется. Он все знает» [Толстой 1936: 57]).

Инстинкт здесь нужно понимать не как врожденные программы, служащие для удовлетворения биологических потребностей. Толстой периодически пользуется этим словом, но не как строгим научным термином. Поэтому уместно будет обратиться к словарю Даля: «ИНСТИНКТ м. лат. безотчетное побуждение, по которому дѣйствуютъ

животные; побудокъ *сѣв.* побудка *вост.* У *человѣка, разумъ и воля; у животнаго, то и другое слито въ побудку*» [Даль: 46]. Не пусковой сигнал и программа действия, а побуждение, в котором соединяются разумное и волевое начала. Благодаря такому единству у животных нет соблазна оторваться от мира в попытках его рационализировать².

Обратим внимание на один момент, где два типа знания сталкиваются:

«Пройдя шагов сто в разговорах, старик опять остановился и указал на хворостинку, которая лежала через дорогу.

– Ты это что думаешь? – сказал он. – Ты думаешь, это так? Нет. Это палка дурно лежит.

– Чем же дурно?

Он усмехнулся.

– Ничего не знаешь. Ты слушай меня. Когда так палка лежит, ты через нее не шагай, а или обойди, или скинь так-то с дороги, да молитву прочти: “Отцу и Сыну и Святому Духу”, и иди с Богом. Ничего не сделает. Так-то старики еще меня учили» [Толстой 1936: 72].

Своеобразный гносеологический конфликт развивается из-за безотчетной уве-

¹ Подробнее об этом см.: [Долгоруков 1860: 210–224].

² К слову, Ленину однажды удается почувствовать нечто похожее на инстинкт в самом себе: «Еще издали каким-то инстинктом Ленин узнал голубую рубаху Марьяны сквозь ряды лоз и, обрывая ягоды, подошел к ней» [Там же: 115].

ренности дяди Ерошки в истинности связи причины и следствия, с одной стороны, и невозможности ее рационального объяснения Олениным, с другой. Кроме того, знание здесь во многом обуславливает зрение. В этом смысле Оленин в мире природы слеп.

Но слеп не только он, но и доктора, отказавшиеся лечить раненного в грудь казака, ведь горец Саиб смог его вылечить травами. Примечательно, что в речи дяди Ерошки появляется противопоставление одного лекаря, имеющего конкретное имя, и неких обезличенных докторов. Такое обособление и выделение, если сказать по-толстовски, основано на убежденности во внутренней «силе» горца. Особой же критики казака заслуживают хирургические операции:

«Не, отец мой, ваших-то русских я бы давно перевешал, кабы царь был. Только резать и умеют. Так-то нашего казака Баклашева не-человеком сделали, ногу отрезали. Стало, дураки. На что теперь Баклашев годится?» [Там же: 148].

Оба примера демонстрируют специфику взгляда горцев-лекарей, тесно связанного с характером их знания. Врачи видят причины болезни и логику их лечения непосредственно в увечном теле. Для лекаря же важна инстинктивно понимаемая связь человека с миром. Эту связь толстовский текст намеренно умалчивает.

Итак, деятельность горцев-лекарей (и конкретно лечение травами), как кажется, вписывается в толстовское понимание концепции животного магнетизма. Однако в тексте произведения, в его вариантах, в отличие от дневниковых записей, этому нет никакого буквального подтверждения. Грубо говоря, без дневника вряд ли вообще была бы возможность для существования подобных утверждений.

Кроме того, известно, что Толстой работал над повестью около десяти лет, а значит, его взгляды могли значительно поменяться. В дневнике за 1858 г. читаем: «Вчера за обедом. Я говорю, что магнетизм нельзя доказать. М[ашинька] говорит, что я меняюсь всегда, и я верил прежде» [Толстой 1952: 18]. Во-первых, эта запись еще раз подтверждает, что животный магнетизм интересует Толстого как знание обоснованное, проверяемое, «доказательное». Во-вторых, он не однозначно отрекается от магнетизма, а словно перемещает его из разряда объяснительной теории в разряд «странных» лечений, сродных народным практикам.

Но не одними травами в «Казаках» лечат Лукашку:

«– Что ж Лукашка? Ты был у него? – спросил он.

– Да лежит, как мертвый. Не ест, не пьет, только водку и принимает душа. Ну, водку пьет, – ничего» [Толстой 1936: 148].

Он «лежит, как мертвый», находя силы к жизни, не позволяющие душе расстаться с телом, в водке. В некотором смысле, крепкий алкогольный напиток замещает кровь, потерянную при ранении:

«Лукашка упал. На животе у него показалась кровь. Он вскочил, но опять упал, ругаясь по-русски и по-татарски. Крови на нем и под ним становилось больше и больше» [Там же: 145].

Молодой казак продолжает браниться, но вскоре замолкает: «Скоро он замолк от слабости» [Там же]. С кровью из него уходит жизнь, водка же ее восстанавливает. Во всяком случае, так это понимает дядя Ерошка.

Подобная логика наблюдается и в его рассказе о собственном ранении. Однажды Ванька Ситкин, казак, «балуясь», выстрелил дяде Ерошке в спину. Последний же стал требовать от стрелявшего «возместить» собственную смерть алкоголем: «Я и говорю: ты ведь меня убил, братец мой. А? Что ты со мной сделал? Я с тобой так не расстанусь. Ты мне ведро поставишь» [Там же: 147]. Дальше это «возмещение» воплощается уже буквально, растет пропорционально потере крови:

«Ведро поставил. Выпили. А кровь все льет. Всю избу прилил кровью-то. Дедука Бурлак и говорит: “Ведь малый-то издохнет. Давай еще штоф сладкой, а то мы тебя засудим”. Притащили еще. Дули, дули...» [Там же].

Данный метод лечения скорее напоминает мистику, чем практику месмеризма. Магнетизеры зачастую в своей деятельности использовали заранее подготовленную воду, но не алкогольные напитки. Долгоруков пишет об этом:

«Квасъ, уксусъ, бульонъ и водка вовсе не принимаютъ въ себя месмеризма, такъ какъ спиртъ, ликеръ и подобная жидкость. Вина наши къ большому удивленію не принимаютъ его, хотя это противно древнимъ фактамъ; но не надо забыть того, что собственно азійскія вина дѣлаются изъ замоченнаго водою винограда и употребляемая тамъ вмѣсто питья скорѣе могутъ назваться сокомъ винограднымъ, чѣмъ виномъ, по неимѣнію въ себѣ спирта; а потому онѣ легко и принимаютъ въ себя животный месмеризмъ» [Долгоруков 1860: 211–212].

Вместе с повышением крепости напитка исчезает возможность для его месмерования, а вместе с этим и возможность лечения. В рассказе же логика обратная: чем крепче напиток, тем действеннее его лечебный эффект. Душа умирающего Лукашки принимает водку, а не вино.

Как уже не единожды отмечалось исследователями творчества Толстого, начиная с Д.С. Мережковского, в «Казачах» значительен мифологический подтекст. Мотивы крови и вина, шутовства в произведении отсылают к культу Диониса, а сцены праздника в казачьей станице во многом напоминают

дионисийские мистерии [Нагина: 2016]. Одним из примечательных проявлений культа этого умирающего и воскресающего бога является практика омофагии. Б. Отто в статье «Приносимый в жертву бог» (1994) справедливо утверждает:

«Омофагия практиковалась ради крови – божественного жизненного сока, который сам есть часть бога произрастания. Кровь этого божества текла из плодов деревьев и кустарников, из принесенного в жертву животного, из принесенного в жертву человека» [Отто: 118]; «Бог сам приносился в жертву. Он требовал своей собственной жертвенной крови, чтобы тем самым получить назад ту часть самого себя, которая поступила в природу, в мир растений и живых существ» [Там же: 108].

Эта логика возмещения утраченной жизненной силы близка тому, что мы наблюдаем в сценах «лечения водкой» в «Казаках». Дядя Ерощка и Лукашка теряют кровь, а вместе с ней и жизнь. Восстановить утраченное можно лишь через такое своеобразное приобщение к природе, к таящейся в ней возможности возрождения.

Однако оба варианта врачевания оказываются за пределами толстовского письма, не-

способного зафиксировать этот специфический взгляд в словах. От героев, принадлежащих «кавказскому миру», читатель (как и сам Оленин) узнает о местных способах лечения либо через констатацию, либо через достаточно скупую историю, содержащую в себе явные элементы вымысла.

Д. Агамбен в работе «Костер и рассказ» (2014) подчеркивает причудливую связь литературы и мистерии¹. В частности, исследователь обращает внимание на жанр романа, в котором одновременно утрачивается мистерия и присутствует воспоминание о ней. Тайна, воплощаясь в повествовании, истории, перестает существовать:

«Элементом, в котором рассеивается и утрачивается мистерия, является история. <...> Мы можем приблизиться к мистерии только через историю, но в то же время (или, может быть, надо сказать: “на самом деле”) история – это то, в чем мистерия погасила или спрятала свои костры» [Агамбен: 15].

В «Казаках» Толстой, пожалуй, чуть ли не единственный раз старается сохранить мистику, тайну. Он словно приподнимает завесу, но не дает проникнуть в «механизмы» кавказской жизни, о чем свидетельствуют вы-

---

¹ Агамбен (и мы вслед за ним) понимает мистику, тайну как «священную драму», в которой индивидуальная жизнь находит связь с божественным элементом.

шеописанные особенности патографии в произведении. Животный магнетизм, занимающий писателя во время работы над повестью, противоречит мистерии, так как в некотором смысле раскрывает взаимоотношения человека и мира, «рассказывает» о них. Тайна преодоления болезни, а значит, и священная тайна вокруг границы между жизнью и смертью остаются сокрытыми в этом практически номинативном изложении методов лечения.

Литература

Агамбен, Д. Костер и рассказ / пер. с ит. и прим. Э. Саттарова. М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2015.

Богданов, К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1981–1982. Т. 2. 1981.

Долгоруков, А.В. Месмер и его начальная теория. СПб.: Типография Карла Крайя, 1846.

Долгоруков, А.В. Органон животного месмеризма. СПб.: Типография Библиотеки медицинских наук доктора М. Хана, 1860.

Животный магнетизм и физиологические исследования его явлений // Отечественные записки. 1852. Т. LXXXIII. Отд. VII. С. 94–104.

Месмер, Ф.А. Доклад об открытии животного магнетизма / пер. с нем. редакцией альманаха «Психическая энергия» // Психическая Энергия. 2014. № 1. С. 42–65.

Нагина, К.А. Антропологическая семантика бестиария Л. Толстого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, Журналистика. Воронеж, 2016. № 2. С. 53–57.

Отто, Б. Приносимый в жертву бог / пер. с нем. А.А. Молчановой // Вестник древней истории. 1996. № 2. С. 103–119.

Толстой, Л.Н. (1936). Казаки // Полн. собр. соч. В 90 тт. М., Л.: Художественная литература, 1928–1958. Т. 6. С. 1–268.

Толстой, Л.Н. (1937а). Автобиографические записи (1847–1854) // Полн. собр. соч. В 90 тт. М., Л.: Художественная литература, 1928–1958. Т. 46. С. 243–294.

Толстой, Л.Н. (1937б). Дневник (1847–1854) // Полн. собр. соч. В 90 тт. М., Л.: Художественная литература, 1928–1958. Т. 46. С. 1–242.

Толстой, Л.Н. (1952). Дневники (1858–1880) // Полн. собр. соч. В 90 тт. М., Л.: Художественная литература, 1928–1958. Т. 48. С. 1–70.

References

Agamben, D. (2015). *Il fuoco e il racconto* [The fire and the story]. (E. Sattarov, Trans.). Moscow: Gryundrisse.

Bogdanov, K.A. (2017). *Vrachi, patsiyenty, chitateli: Patograficheskiye teksty russkoy kul'tury* [Doctors, patients, readers: Pathographic texts of Russian culture]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.

Dal', V.I. (1981–1982). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-kh t.* [Explanatory dic-

tionary of the living Great Russian language: in 4 vols.] (Vol. 2). Moscow: Russkiy yazyk.

Dolgorukov, A.V. (1846). *Mesmer i ego nachal'naya teoriya* [Mesmer and his initial theory]. Saint Petersburg: Tipografiya Karla Krayya.

Dolgorukov, A.V. (1860). *Organon zhiivotnogo mesmerizma* [Organon of animal mesmerism]. Saint Petersburg: Tipografiya Biblioteki meditsinskikh nauk doktora M. Khana.

Mesmer, F.A. (2014). Abhandlung über die Entdeckung des thierischen Magnetismus [Treatise on the discovery of animal magnetism]. *Psikhicheskaya Energiya* [Psychic Energy], 1, 42–65.

Nagina, K.A. (2016) Antropologicheskaya semantika bestiariya L. Tolstogo [Anthropological semantics of L. Tolstoy's bestiary]. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filologiya, Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology, Journalism], 2, 53–57.

Otto, B. (1996) Kultisches und Ikonographisches zum minoisch-mykenischen Dionysos [Cultic and iconographic aspects of the Minoan-Mycenaean Dionysus] (A.A. Molchanova, Trans.) *Vestnik Drevney Istorii* [Proceedings of Ancient History], 2, 103–119.

Tolstoy, L.N. (1936). Kazaki [Cossacks]. In L.N. Tolstoy, *Poln. sobr. soch. V 90 tt.* [Complete works in 90 vols.] (Vol. 6). Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1–268.

Tolstoy, L.N. (1937a). Avtobiograficheskie zapisi (1847–1854) [Autobiographical notes (1847–1854)]. In L.N. Tolstoy, *Poln. sobr. soch. V 90 tt.* [Complete works in 90 vols.] (Vol. 46). Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 243–294.

Tolstoy, L.N. (1937b). Dnevnik (1847–1854) [Diary (1847–1854)]. In L.N. Tolstoy, *Poln. sobr. soch. V 90 tt.* [Complete works in 90 vols.] (Vol. 46). Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1–242.

Tolstoy, L.N. (1952). Dnevniki (1847–1854) [Diaries (1858–1880)]. In L.N. Tolstoy, *Poln. sobr. soch. V 90 tt.* [Complete works in 90 vols.] (Vol. 48). Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1–70.

Zhiivotnyy magnetizm i fiziologicheskiye issledovaniya ego yavleniy [Animal magnetism and physiological studies of its phenomena]. (1852). *Otechestvennyye Zapiski* [Notes of the Fatherland], LXXXIII, VII, 94–104.

Для цитирования: Волвенкин, М.Н. О методах лечения в «Казаках» Льва Толстого: между магнетизмом и мистерией // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 1. С. 149–161. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-149-161

For citation: Volvenkin, M.N. (2024). About treatment methods in “Cossacks” by Leo Tolstoy: between magnetism and mystery. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (1), 149–161. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-149-161

**ON TREATMENT METHODS IN “COSSACKS” BY LEO TOLSTOY:
BETWEEN MAGNETISM AND MYSTERY**

Mikhail N. Volvenkin, Lecturer at Voronezh State Forestry University named after G. F. Morozov (Voronezh, Russia), Graduate Student and Lecturer at Voronezh State University (Voronezh, Russia); e-mail: mvolvenkin@mail.ru

Abstract. The article examines the story “Cossacks” by Leo Tolstoy as a pathographic text of Russian literature. At the same time, the main attention in the study is paid to those parts of the work in which pathography is practically absent, but is assumed. The writer deliberately keeps silent about how the treatment of crippled bodies is carried out, which looks very strange against the backdrop of a detailed description of the dead and wounded. The reasons for this absence are revealed, which consist in criticism of the “methodology of introspection” characteristic of Tolstoy’s early diaries, in the clash of the desire to comprehend life and the mystery contained in it, which cannot be rationalized. The article examines in detail the influence of the ideas of animal magnetism on the poetics of the story “Cossacks”. There is a close connection between these ideas and Tolstoy’s ideas about the methods of treatment of highlander doctors. The dynamics of Tolstoy’s perception of the theory of Franz Anton Mesmer is traced: from passion and desire to test it in practice, to obvious skepticism towards it as “evidential” knowledge. The logic of the treatment is revealed. On the one hand, the connection of these methods with animal magnetism, manifested in “herbal treatment,” is emphasized; on the other hand, - with the Dionysian cult, in particular, with the practice of omophagy. From the latter perspective we see the scenes where Uncle Eroshka and Lukashka resort to treatment through alcohol, which replaces vital forces. In conclusion, the mystery beginning in “Cossacks” is noted, revealing the writer’s desire to preserve the sacred secret around the border between life and death.

Key words: literature and medicine, pathography, Leo Tolstoy, magnetism, mystery

